Ребёнок принадлежит России: публично-правовая архитектура запрета суррогатного материнства для иностранцев и её международные последствия

Алокова Сатаней Хасановна
Магистр, РУДН им. Патриса Лумумбы, al_satanei@mail.ru

Настоящая статья посвящена одному из самых резонансных событий в российском медицинском праве последних лет — введению запрета на суррогатное материнство для иностранных граждан и последовавшему формированию целостной системы публично-правового контроля над вспомогательными репродуктивными технологиями. В работе показано, как последовательные шаги законодателя в 2022–2024 годах — от первоначального запрета до введения обязательной нотариальной формы договора — создали уникальную правовую модель, в центре которой оказалась идея «репродуктивного суверенитета». Особое внимание уделено механизму автоматического предоставления российского гражданства детям, рождённым суррогатными матерями, который стал ключевым звеном, блокирующим вывоз таких детей за рубеж. Проанализированы как внутригосударственные конституционные обоснования этой модели, так и её напряжённые отношения с международными обязательствами России, прежде всего с принципом наилучших интересов ребёнка. В заключении предложен взгляд на перспективы развития правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: суррогатное материнство, медицинское право, репродуктивный суверенитет, публичный порядок, иностранные граждане, гражданство по рождению, права ребёнка, Конституционный Суд РФ, нотариальное удостоверение, сверхимперативные нормы.

Если попытаться найти в современном российском законодательстве пример того, как государство за несколько лет полностью перекраивает целую сферу общественных отношений, едва ли не первым на ум придёт институт суррогатного материнства. Ещё в начале 2020-х годов Россия была одним из крупнейших мировых центров так называемого репродуктивного туризма: сюда ехали граждане десятков стран, чтобы воспользоваться услугами суррогатных матерей, которые на тот момент оставались практически не ограничены по кругу заказчиков. Сложившийся рынок, медицинская инфраструктура, устойчивая судебная практика — всё говорило о том, что модель устоялась надолго. Однако стремительная череда скандалов, смертей детей в так называемых «серых» схемах и общий политический разворот в сторону защиты традиционных ценностей привели к тому, что законодатель принял решение, которое иначе как тектоническим сдвигом не назовёшь.

Речь идёт о Федеральном законе от 19 декабря 2022 г. № 538-ФЗ [6], который впервые в истории российского права ввёл прямой запрет на суррогатное материнство для иностранцев и лиц без гражданства. Однако сам по себе этот запрет был лишь первым камнем в фундаменте совершенно новой публично-правовой архитектуры. Вслед за ним последовали ещё несколько актов, которые в совокупности создали уникальную, ни на что не похожую систему. О том, как устроена эта система, какие правовые инструменты её скрепляют и какие международно-правовые риски она порождает, и пойдёт речь в настоящей статье.

Первое, на что хочется обратить внимание – это даже не сам запрет, а то, как деликатно законодатель обошёлся с теми правоотношениями, которые уже возникли до его введения. В первоначальной редакции Закона № 538-ФЗ переходных положений просто не было. Это означало, что под ударом оказывались десятки, если не сотни уже запущенных программ, где договоры с суррогатными матерями были подписаны до 1 января 2023 года. Возникла совершенно реальная угроза обратной силы закона в худшем её понимании: семьи, которые уже вложили средства, время и надежды, могли в одночасье оказаться за бортом правового поля. Законодатель отреагировал на это довольно оперативно, приняв 31 июля 2023 г. Федеральный закон № 405-ФЗ [8]. Этот акт ввёл так называемую «дедушкину оговорку»: все договоры, заключённые до дня вступления в силу основного запрета, продолжают действовать на прежних условиях. Думается, это был не просто юридико-технический ход, а осознанный жест в сторону защиты добросовестно приобретённых прав, жест, который демонстрирует, что даже в условиях жёсткого разворота государственной политики законодатель не готов полностью игнорировать принцип правовой определённости.

Однако сам по себе материальный запрет на запись иностранцев в качестве родителей – это лишь половина дела. Гораздо более интересный и, пожалуй, самый изобретательный элемент новой системы лежит в другой плоскости – в праве гражданства. Здесь законодатель использовал механизм, который превращает запрет из декларации в реально работающий публично-правовой барьер. С 26 октября 2023 года действует новый Федеральный закон о гражданстве [7], и именно он ввёл норму, ко-

торую можно назвать центральной для всей этой конструкции: ребёнок, рождённый суррогатной матерью на территории России, приобретает гражданство Российской Федерации по рождению автоматически, независимо от гражданства своих генетических родителей. Параллельно были внесены изменения в закон об актах гражданского состояния [4], которые прямо обязывают органы ЗАГС указывать в записи о рождении, что ребёнок является гражданином России.

Что это означает на практике? Иностранные генетические родители, которые физически находятся за границей, но чей эмбрион был имплантирован российской суррогатной матери до вступления запрета в силу либо в нарушение его, сталкиваются с тем, что ребёнок, рождённый этой женщиной, с точки зрения российского права является гражданином РФ. Они не могут быть записаны его родителями, потому что ст. 51 Семейного кодекса [3] теперь позволяет это только гражданам России. Они не могут просто так вывезти этого ребёнка за границу, потому что для вывоза несовершеннолетнего гражданина РФ требуются документы, подтверждающие либо их родительские права, либо права опекунов, либо усыновителей. Но все эти статусы они получить не могут, круг замкнулся. Государство, по сути, создало правовой механизм, при котором ребёнок, появившийся на свет в результате договора суррогатного материнства, «принадлежит России» — именно эта метафора, вынесенная в заголовок статьи, наиболее точно отражает суть произошедшего.

Конечно, может возникнуть вопрос: а не является ли всё это чрезмерным вторжением в частную жизнь и не нарушает ли права граждан, пусть и иностранных, на здоровье и семью? Ответ на этот вопрос российский законодатель нашёл в обновлённой в 2020 году Конституции. Среди поправок, одобренных на общероссийском голосовании, была и норма ч. 4 ст. 67.1, закрепившая защиту традиционных семейных ценностей [1]. Кроме того, ч. 2 ст. 55 Конституции позволяет ограничивать права и свободы в той мере, в какой это необходимо для защиты нравственности и здоровья. Коммерческое суррогатное материнство для иностранцев, особенно в тех его формах, которые приобрели характер индустрии с многомиллионными оборотами, было воспринято государством как прямая угроза этим ценностям, как низведение материнства и детства до уровня возмездной услуги, где ребёнок становится товаром. С этой позиции запрет предстаёт не как дискриминация, а как реализация конституционного суверенитета.

Любопытно, что практически одновременно с введением запрета законодатель предпринял ещё один шаг, который многие комментаторы упускают из виду. Речь о Федеральном законе от 25 декабря 2023 г. № 645-ФЗ [9], который с 1 марта 2024 года ввёл обязательное нотариальное удостоверение договора суррогатного материнства. На первый взгляд может показаться, что это техническая норма, касающаяся формы сделки. Но на самом деле это полноценный элемент публично-правового контроля. Нотариус, удостоверяя такой договор, обязан проверить и гражданство сторон, и их дееспособность, и добровольность волеизъявления суррогатной матери. Он становится своего рода «входным фильтром», отсекающим те самые «серые» схемы, которые и спровоцировали законодательный разворот. Таким образом, в совокупности три блока норм: материальный запрет для иностранцев, автоматическое гражданство ребёнка и нотариальный контроль – образуют завершённую, трёхзвенную систему, в которой каждый элемент подстраховывает другой.

Здесь уместно вспомнить и о позиции Конституционного Суда. В начале 2024 года он принял решение, которое, хотя и не касалось напрямую иностранцев, многое прояснило в логике законодателя. Имеется в виду Постановление от 16 января 2024 г. № 1-П [10], в котором Суд защитил право одинокого мужчины, гражданина РФ, быть записанным отцом ребёнка, рождённого суррогатной матерью с использованием его генетического материала. Для рассматриваемой темы это решение важно не столько тем, что оно расширило репродуктивные права для россиян, сколько тем, что оно чётко обозначило границу: Конституция защищает родительство, основанное на генетическом родстве и воле, но ровно до тех пор, пока речь идёт о российском конституционном поле. Как только мы выходим за его пределы — вступает в действие суверенное право государства на ограничение. КС РФ не увидел в этом дискриминации, а расценил ситуацию как законную реализацию государством своего права на охрану публичного порядка.

Теперь обратимся к международно-правовой стороне вопроса. Здесь ситуация гораздо менее однозначная и вызывает серьёзные вопросы. Россия остаётся участницей Конвенции ООН о правах ребёнка [2], и её ст. 3 требует от государств уделять первоочередное внимание наилучшему обеспечению интересов ребёнка. В описанной выше конструкции автоматического гражданства интересы ребёнка оказываются в довольно двусмысленном положении. С одной стороны, государство вроде бы заботится о нём: даёт ему своё гражданство, включает в национальную правовую систему, не оставляет без статуса. Но с другой – оно же и разрывает его юридическую связь с биологическими родителями. Если страна, гражданами которой являются генетические родители, не признаёт таких детей своими (а многие страны, где суррогатное материнство запрещено, именно так и поступают), ребёнок оказывается в ситуации фактического социального сиротства при живых и, возможно, желающих его воспитывать родителях за рубежом. Это напрямую противоречит ст. 7 и 8 Конвенции, гарантирующим право ребёнка знать своих родителей и право на семейные связи.

В доктрине международного частного права сложившуюся ситуацию всё чаще характеризуют через категорию «сверхимперативных норм», закреплённых в ст. 1192 Гражданского кодекса [11]. Эти нормы обладают приоритетом над любыми иностранными элементами правоотношений и применяются независимо от того, какое право должно регулировать отношение в обычной ситуации. Российский законодатель, вводя запрет на суррогатное материнство для иностранцев и автоматическое гражданство для рождённых детей, по сути, создал именно такую сверхимперативную норму – норму, которая вытесняет любые ссылки на иностранное право и международные коллизионные привязки. Хорошо это или плохо — вопрос философский, но с юридико-технической точки зрения приём вполне работающий.

Завершая, хочется сказать вот о чём. К середине 2020-х годов Россия сформировала в сфере суррогатного материнства такую модель, аналогов которой в мире, пожалуй, нет. Большинство стран идут либо по пути полного запрета (как Германия или Франция), либо по пути либерализации, но с жёсткими этическими рамками. Россия же выбрала третий путь – национализацию института: суррогатное материнство сохранено, но доступ к нему закрыт для неграждан, а результат в лице ребёнка автоматически попадает под российскую юрисдикцию. Это смелый и во многом уникальный подход, который, безусловно, ещё станет предметом многочисленных исследований и, возможно, международных споров. Дальнейшее развитие ситуации, как представляется, будет зависеть не от новых запретов или послаблений внутри страны, а от того, сможет ли Россия выстроить систему двусторонних соглашений, которые обеспечат защиту прав детей, рождённых в

переходный период и оказавшихся на стыке двух правопорядков.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
2. Конвенция о правах ребёнка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР, выпуск XLVI, 1993. С. 1–32.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 19.12.2022 № 538-ФЗ, от 31.07.2023 № 405-ФЗ и последующих изменений) // СЗ РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 16.
4. Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (в ред. от 28.12.2022, с изм., внесёнными Федеральным законом от 19.12.2022 № 538-ФЗ) // СЗ РФ, 24.11.1997, № 47, ст. 5340.
5. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 28.12.2022, от 25.12.2023 № 645-ФЗ) // СЗ РФ, 28.11.2011, № 48, ст. 6724.
6. Федеральный закон от 19.12.2022 № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ, 26.12.2022, № 52, ст. 9360.
7. Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (в ред. от 26.10.2023) // СЗ РФ, 01.05.2023, № 18, ст. 3288.
8. Федеральный закон от 31.07.2023 № 405-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”» // СЗ РФ, 07.08.2023, № 32 (Часть I), ст. 6146.
9. Федеральный закон от 25.12.2023 № 645-ФЗ «О внесении изменения в статью 55 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”» // СЗ РФ, 01.01.2024, № 1 (часть I), ст. 6.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.01.2024 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина…» // СЗ РФ, 22.01.2024, № 4, ст. 589.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (в ред. от 28.12.2022) // СЗ РФ, 03.12.2001, № 49, ст. 4552.
12. Исполинов А.С. Сверхимперативные нормы и публичный порядок: современное прочтение // Международное правосудие. 2023. № 4. С. 20–30.

The child belongs to Russia": the public-law architecture of the ban on surrogacy for foreigners and its international implications

Alokova S.Kh.

RUDN University named after Patrice Lumumba

This article is devoted to one of the most resonant events in Russian medical law in recent years — the introduction of a ban on surrogacy for foreign citizens and the subsequent formation of a comprehensive system of public-law control over assisted reproductive technologies. The paper shows how the legislator's successive steps in 2022–2024, from the initial ban to the introduction of mandatory notarization of the contract, created a unique legal model centered on the idea of "reproductive sovereignty". Particular attention is paid to the mechanism of automatic granting of Russian citizenship to children born to surrogate mothers, which has become the key link blocking the export of such children abroad. Both the domestic constitutional justifications for this model and its tense relationship with Russia's international obligations, primarily the principle of the best interests of the child, are analyzed. In conclusion, a view on the prospects for developing legal regulation in this area is proposed.

Keywords: surrogacy, medical law, reproductive sovereignty, public order, foreign citizens, citizenship by birth, children's rights, Constitutional Court of the Russian Federation, notarization, overriding mandatory rules.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved on 01.07.2020) // Official Internet portal of legal information http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
2. UN Convention on the Rights of the Child (adopted 20.11.1989, entered into force for the USSR 15.09.1990) // Collection of International Treaties of the USSR, Issue XLVI, 1993. Pp. 1–32.
3. Family Code of the Russian Federation dated 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 19.12.2022, 31.07.2023 and subsequent amendments) // SZ RF, 01.01.1996, No. 1, Art. 16.
4. Federal Law of 15.11.1997 No. 143-FZ "On Acts of Civil Status" (as amended on 28.12.2022, with changes introduced by Federal Law of 19.12.2022 No. 538-FZ) // SZ RF, 24.11.1997, No. 47, Art. 5340.
5. Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation" (as amended on 28.12.2022, 25.12.2023 No. 645-FZ) // SZ RF, 28.11.2011, No. 48, Art. 6724.
6. Federal Law of 19.12.2022 No. 538-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // SZ RF, 26.12.2022, No. 52, Art. 9360.
7. Federal Law of 28.04.2023 No. 138-FZ "On Citizenship of the Russian Federation" (as amended on 26.10.2023) // SZ RF, 01.05.2023, No. 18, Art. 3288.
8. Federal Law of 31.07.2023 No. 405-FZ "On Amending Article 1 of the Federal Law 'On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation'" // SZ RF, 07.08.2023, No. 32 (Part I), Art. 6146.
9. Federal Law of 25.12.2023 No. 645-FZ "On Amending Article 55 of the Federal Law 'On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation'" // SZ RF, 01.01.2024, No. 1 (Part I), Art. 6.
10. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16.01.2024 No. 1-P "On the Review of Constitutionality of Certain Provisions of the Family Code of the Russian Federation..." // SZ RF, 22.01.2024, No. 4, Art. 589.
11. Civil Code of the Russian Federation (Part Three) dated 26.11.2001 No. 146-FZ (as amended on 28.12.2022) // SZ RF, 03.12.2001, No. 49, Art. 4552.
12. Ispolinov A.S. Sverkhimperativnyye normy i publichnyy poryadok: sovremennoye prochteniye [Overriding Mandatory Rules and Public Order: A Modern Reading] // Mezhdunarodnoye pravosudiye [International Justice]. 2023. No. 4. Pp. 20–30.